ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СЦЕНА LONGINES ВОШЛА В ХРАМ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__185-летняя история **Longines** рассказывает о путешествиях, как этот морской хронометр

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__**Longines** Record

__Хронографы **Longines** измеряли время самых важных соревнований столетия

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

«Здравствуй, товарищ! Давай-давай, работай!» — машет мне рукой глава Longines Вальтер фон Кенэл. Этой произнесенной по-русски фразой 76-летний отставной полковник и бессменный командир марки встречает меня всякий раз, когда мы видимся по часовым делам.

Сейчас эта фраза звучит особенно уместно. Мы находимся в коммунистическом Пекине, в самом его сердце, в бывшем храме императорских предков Таймяо. Говорят, что вывеску над его воротами с названием «Пекинский дворец культуры трудящихся» написал сам Мао Цзэдун. Да и в императорские времена этот храм, построенный в 1420 году, открывался только по важнейшим поводам. Вроде праздника, который сегодня устраивает в Китае Longines. Марка празднует свое 185-летие.

Longines с Китаем связывает многое. Одна из пяти часовых компаний, оборот которой, по данным The New York Times, превышает $1 млрд, зарабатывает не столько в Европе, сколько в Азии. Как говорит Вальтер фон Кенэл, ценовая политика сделала Longines почти монополистом в часах от 1,5 тыс. до 3, тыс. франков: «Быть лидером в этой ценовой категории — миссия, которая была мне доверена Николасом Хайеком в 1988 году. В то время как остальные только и делали, что поднимали и поднимали цену, мы оставались в своем секторе».

В результате они не только стали главными в своей нише. Благодаря усвоенной скромности они неожиданно в последние критические годы сохранили самый драгоценный для швейцарских часовщиков китайский рынок. Китай стал чистить ряды богачей, носить сверхдорогие часы стало просто опасно. Не так, как в Мексике или Бразилии, где их оторвут с рукой. А в силу государственной политики. Чиновникам была предписана скромность, носители Patek Philippe могли навлечь на себя подозрение в коррупции. В этой ситуации достойные, красивые, «настоящие швейцарские», но не столь дорогие Longines стали чуть ли не признаком партийной дисциплины.

Когда в дни базельских салонов я встречаюсь с Вальтером фон Кенэлом, он показывает не часы, как другие президенты. Он показывает таблицы и графики, показывает каталоги, отражающие сотни вариантов: на ремешке и на браслете, с керамическим кольцом или бриллиантовым кругом, с циферблатами разных цветов и разных размеров, с механическими калибрами или с кварцем. На любую руку, на любой вкус, на любую культуру.

Для часовых фанатов и любимых журналистов глава Longines выпускает маленькие серии исторических, винтажных моделей, в серии Heritage, «Наследие» — слава богу, с 1832 года в Сент-Имье его накопилось немало. Вальтер фон Кенэл откровенно посмеивается, когда часолюбы млеют от счастья над переизданиями часов Линдберга. Он тоже любит часы, но знает, что это все —